

ДАУРАНИЯ ТОРН

ВЕДЬМА ИЗ ПОДМОСКОВЬЯ

«ТРИДЕСЯТАЯ УЛИЦА, ДОМ 1:
ДВЕРЬ, КОТОРАЯ НЕ ЗАКРЫЛАСЬ»

Книга 3

Истории, которые остаются с тобой.

Даурания Торн

**Ведьма из Подмосковья.
«Тридесятая улица, дом 1.» Книга
3: «Дверь, которая не закрылась.»**

«Автор»

2026

Торн Д.

Ведьма из Подмосковья. «Тридесятая улица, дом 1.» Книга 3:
«Дверь, которая не закрылась.» / Д. Торн — «Автор», 2026

Она надеялась, что дверь закрылась. Но та лишь притворилась спящей. Алиса думала, что самое страшное позади. Но дверь, которую они закрыли, лишь затаилась. В подполе Дома она находит дневник бабушки и узнаёт: их род связан с той, кого называют Миражей. Та ждала её триста лет — не чтобы отомстить, а чтобы попросить. По ночам в доме кто-то шепчет, из тумана возвращаются потерянные, а в лесу появляются следы, которые не мог оставить ни один зверь. Когда Сев с севера называет Алёну сестрой, Алиса понимает: дверь уже ищет её. И не только её. Помощь людям, смех и слёзы, дом, который умеет ждать, и новая загадка — третья книга серии, где любовь сильнее тьмы, но тьма не сдаётся. «Тридесятая улица, дом 1: Дверь, которая не закрылась» — третья книга серии, в которой помощь людям всё так же важна, но цена ошибки становится выше, а любовь и тоска сплетаются в один узел. Здесь будут слёзы, смех, страхи и надежда. И, конечно, новая загадка, которую Алиса распутает лишь к самому концу.

© Торн Д., 2026

© Автор, 2026

Даурания Торн

Ведьма из Подмосковья.

«Тридесятая улица, дом 1.» Книга 3: «Дверь, которая не закрылась.»

Ведьма из Подмосковья.
«Тридесятая улица, дом 1.»
Книга 3: «Дверь, которая не закрылась.»

аннотация

Она надеялась, что дверь закрылась. Но та лишь притворилась спящей.

Алиса думала, что самое страшное позади. Но дверь, которую они закрыли, лишь затаилась. В подполе Дома она находит дневник бабушки и узнаёт: их род связан с той, кого называют Миражей. Та ждала её триста лет — не чтобы отомстить, а чтобы попросить.

По ночам в доме кто-то шепчет, из тумана возвращаются потерянные, а в лесу появляются следы, которые не мог оставить ни один зверь. Когда Сев с севера называет Алёну сестрой, Алиса понимает: дверь уже ищет её. И не только её.

Помощь людям, смех и слёзы, дом, который умеет ждать, и новая загадка — третья книга серии, где любовь сильнее тьмы, но тьма не сдаётся.

«Тридесятая улица, дом 1: Дверь, которая не закрылась» — третья книга серии, в которой помощь людям всё так же важна, но цена ошибки становится выше, а любовь и тоска сплетаются в один узел. Здесь будут слёзы, смех, страхи и надежда. И, конечно, новая загадка, которую Алиса распутает лишь к самому концу.

Оглавление третьей книги

Глава 1. В которой Серафима говорит загадками, а Алиса понимает, что дом — это не только стены

Глава 2. В которой Миража говорит условие, а наверху уже ждёт беда

Глава 3. В которой возвращение пахнет дымом, а в городе останавливаются часы

Глава 4. В которой господин Усач оказывается не жуком, а дом учится плакать

Глава 5. В которой земля не может успокоиться, а из тумана выходит та, кого забыли

Глава 6. В которой глаза в сарае оказываются не просто глазами, а туман расстаётся со своим пленником

Глава 7. В которой сны становятся дверьми, а следы у гати ведут к тому, что не должно ходить

Глава 8. В которой следы у гати приводят к ночному гостю, а Буся слышит, как плачет земля

Глава 9. В которой Москва пахнет чужим воском, а старые вещи вспоминают хозяев

Глава 10. В которой по пути к кладбищу встречается старая обида, а Буся чуть не становится домом для бездомного духа

Глава 11. В которой знахарь говорит о двери, а ночью на кладбище просыпается то, что не должно просыпаться

Глава 12. В которой след у порога оказывается не просто следом, а ночной гость оставляет после себя немой вопрос

Глава 13. В которой подпол заговаривает голосом бабушки, а Алиса узнаёт, что её прошлое было не тем, чем казалось

Глава 14. В которой старый гребень путает отражения, а Алиса читает дневник, от которого стынет кровь

Глава 15. В которой у Старой гати находят девочку, а знахарь говорит о том, что нельзя забывать

Глава 16. В которой знахарь говорит о трёх ударах, а Алиса понимает, что цена — не только её

Глава 17. В которой чёрное новолуние вступает в силу, а дверь оказывается не той, что все ожидали

Глава 18. В которой дом становится весёлым, а подпол перестаёт быть страшным

Глава 19. В которой старая кукла ищет дом, а Москва подкидывает неожиданную встречу

Глава 20. В которой Уголёк пугает сам себя, а старый дом просит о помощи

Глава 21. В которой Алёна вспоминает, а Алиса понимает, что семья — это не только кровь

Глава 22. В которой Тёпа вспоминает, кто он, а гость из деревни просит невозможного

Глава 23. В которой подпол открывает забытую комнату, а голос из книг просит вернуть то, что было стёрто

Глава 24. В которой приходит тот, кто называет себя братом, а сумка пахнет северным туманом

Глава 25. В которой дорога к Старой гати приводит к чужому порогу, а правда оказывается с двойным дном

Глава 26. В которой колыбель качается сама, а благословение приходит с опозданием

Глава 27. В которой у Степаниды в огороде вырастает не то, что сажали, а в доме заводится существо, обожающее кашу

Глава 28. В которой в дом приходят с мокрой куклой, а уходит — с лёгким сердцем

Глава 29. В которой лампа с берега не просто светит, а зовёт в темноту, и отряд узнаёт, что у воды долгая память

Глава 30. В которой дом лесника становится прозрачным, а Миража плачет последними слезами

Глава 31. В которой Алиса видит ту, что ждала триста лет, и понимает: прощение — это тоже дверь

Глава 32. В которой возвращение приносит письма, а в доме обнаруживается гостья с чужой памятью

Глава 33. В которой Миража оставляет последнее слово, а дом находит новую дверь

Глава 1. В которой Серафима говорит загадками, а Алиса понимает, что дом — это не только стены

Рассвет наступил неожиданно, как будто кто-то невидимый резко отдернул полог ночи. Солнце ещё пряталось за лесом, но небо уже налилось тем особым, зелёно-золотым светом, какой бывает только в мае, когда земля, умытая росой, дышит полной грудью. Птицы, ещё сонные, пробовали голоса — робко, неуверенно, будто проверяя, не рано ли. Где-то у кромки леса прошёл лёгкий ветер, и листья осин отозвались дрожью, словно по ним пробежали невидимые пальцы.

Алиса стояла у калитки, глядя на дом. Она не спала уже вторую ночь, но усталость не чувствовалась — тело было лёгким, как после долгого сна, и только в груди, где-то под сердцем, тихо пульсировало то, что она теперь называла про себя «знанием». Это знание пришло не из книг и не от Заряны. Оно просыпалось вместе с домом, вместе с землёй, вместе с перстнем, что сидел на её пальце и слабо, но упрямо светился в полумраке.

— Ты так и будешь стоять? — раздался голос за спиной.

Алиса обернулась. Мирон сидел на крыльце, обернув хвост вокруг лап, и смотрел на неё своими янтарными глазами, в которых отражался разгорающийся рассвет.

— Думаю, — ответила она.

— О чём?

— О том, что Серафима явилась не просто так. Если она пришла, значит, до главного — один шаг. И этот шаг — вниз.

— В подпол, — кот не спрашивал, а уточнял.

— В подпол, — кивнула Алиса. — Туда, где семья. Туда, где корни Миражи оплели землю. Туда, где начинается всё, что было до нас.

Мирон помолчал, потом прыгнул с крыльца и подошёл к ней. Его походка была мягкой, но в ней сквозила собранность бойца, который знает, что бой уже начался, даже если враг ещё не появился.

— Ты боишься? — спросил он.

— Боюсь, — честно ответила Алиса.

— Хорошо, — неожиданно сказал кот. — Страх — это не слабость, если он не мешает думать. А тебе он, я вижу, не мешает.

— Просто я уже поняла: бояться и не делать — вот что по-настоящему страшно.

Мирон фыркнул — то ли соглашаясь, то ли просто отмахиваясь от её слов, но хвост его при этом тронул её ногу, как будто он так выражал поддержку.

Из дома вышла Заряна. Она была одета в тот же тёмный плащ, что и вчера, но теперь в её руках была не книга, а маленький глиняный светильник, из которого поднимался тонкий, голубоватый дымок. За ней, зевая, выбежала Буся и тут же принялась ловить хвостом солнечные блики, которые плясали на траве. Перышко, сидевший у забора, проводил её ленивым взглядом, но не двинулся с места.

— Мы готовы? — спросила Алиса.

— Не совсем, — Заряна покачала головой. — Сначала нужно поговорить с Серафимой. Она ждёт.

И правда: у старого дуба, что рос на краю поляны, стояла та самая женщина, которую Алиса видела лишь однажды — и которую, как ей тогда казалось, уже не увидит никогда. Серафима не изменилась: то же чистое лицо, тот же ситцевый платок, те же стоптанные туфли. Только теперь она не была призраком. Она стояла на земле, и от неё шло тепло, как от живой.

Алиса подошла. Ей хотелось задать сотню вопросов, но губы не слушались. А Серафима просто смотрела на неё, и в этом взгляде было столько всего, что слова казались лишними.

— Ну, здравствуй, девочка, — произнесла она наконец, и голос её был таким же, каким Алиса его запомнила: тёплым, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который много работал и мало спал. — Ты выросла.

— Вы умерли, — вырвалось у Алисы, и она тут же пожалела о сказанном.

— Умерла, — Серафима кивнула. — Но не ушла. Видишь ли, такие, как я, не уходят сразу. Мы остаёмся в доме, в земле, в памяти. А иногда — если очень нужно — возвращаемся на час-другой, чтобы сказать то, что не успели.

— И что вы хотите сказать?

— Что ты справилась, — Серафима сделала шаг навстречу и взяла Алису за руку. Ладонь её была тёплой, как нагретый солнцем камень. — Ты прошла через Навь, через Пустошь, через разломы. Ты сберегла дом. Ты не отдала перстень. Ты не предала тех, кто тебе доверился. Я знала, что не ошиблась, когда вложила в твою руку ту свечу.

— Но всё только начинается, — Алиса не отвела взгляда.

— Начинается, — согласилась Серафима. — И конца у этой дороги нет. Но есть перекрёсток, на котором ты стоишь. И от того, куда ты шагнёшь, зависит, устоит ли дом.

— Что за перекрёсток?

— Ты поймёшь, когда увидишь дверь. Ту самую, что не закрылась. Она не в подполе, не в подвале, не в ином мире. Она — в каждом из вас. И чтобы её закрыть, нужно спуститься вниз не за тем, чтобы уничтожить семя, а за тем, чтобы его принять.

— Принять? — Алиса нахмурилась. — Вы говорите о том, что семя нельзя уничтожить?

— Можно. Но только тем, кто не боится потерять. А терять придётся много. Возможно, даже больше, чем ты можешь представить.

Она отпустила руку Алисы и обвела взглядом всех, кто стоял за её спиной: Мирона, Заряну, Бусю, Перышко.

— Каждый из вас в этом доме не случайно. И каждый из вас однажды уже стоял у той двери. Кто-то прошёл, кто-то остался, кто-то убежал. Но все помнят.

Буся, не выдержав, выскочила вперёд:

— А я? Я тоже помню?

— Ты — больше всех, — Серафима улыбнулась. — Просто прячешь глубоко, чтобы не было больно.

Буся притихла, и её уши опустились.

— А что будет, если мы не пойдём? — спросила Заряна.

— Тогда дверь останется открытой, — просто ответила Серафима. — И однажды в неё войдёт то, что уже давно ждёт на пороге.

— Миража, — произнёс Мирон.

— Миража, — кивнула Серафима. — Или тот, кто станет ею. Тот, кто носил перстень, — она выразительно посмотрела на Алису, — должен решить.

— Я решу, — Алиса сжала перстень. — Но я не хочу решать одна.

— А ты и не одна, — Серафима снова улыбнулась. — Посмотри вокруг.

Алиса оглянулась. Мирон стоял у её ног, напряжённый, как перед боем. Заряна, бледная, но спокойная, держала светильник. Буся, уже оправившись от растерянности, прижималась к Перышко, который расправил крылья, будто готовился взлететь. Андрон, вышедший на крыльцо, кутался в старый плед, но в его глазах не было страха — только решимость.

— Идите, — сказала Серафима. — У вас есть всё, что нужно. А я... я подожду. И если что — буду рядом.

Она начала таять, как утренний туман, и через мгновение на её месте остался лишь едва заметный след на траве.

— Ну что, — Алиса повернулась к дому, — кажется, нас ждут внизу.

— Я первым, — Перышко шагнул к дверям.

— Нет, — Андрон преградил ему путь. — Первым пойду я. Дом знает меня. Подпол знает меня. И я... я должен.

— Ты уверен? — Заряна мягко коснулась его плеча.

— Уверен, — он кивнул. — Я носил перстень. Я знаю, что там, внизу. И я знаю, как идти, чтобы не разбудить раньше времени.

— Тогда веди, — согласилась Алиса.

Они вошли в дом. В горнице было тихо, но не пусто: в каждом углу, в каждой щели, в каждом пучке сухих трав под потолком ощущалось чьё-то незримое присутствие. Дом слушал.

Андрон подошёл к люку в углу, откинул половику и взялся за кольцо. Люк поддался с тихим, но глубоким скрипом, будто вздохнул.

— Спускаемся по одному, — предупредил он. — Никто ничего не трогает. Даже если покажется, что это просто корень. Здесь всё — часть её.

Первым исчез в темноте он сам. За ним — Заряна со светильником. Потом Перышко, который сложил крылья, чтобы пролезть в узкий лаз. Мирон, посадив Бусю на спину, прыгнул следом. Последней — Алиса.

Она уже взялась за лестницу, когда услышала за спиной голос Прохорова. Обернулась. Тот стоял у порога, заложив руки за спину, и смотрел на неё со странной смесью тревоги и любопытства.

— Ты всё-таки идёшь, — произнёс он.

— Иду.

— Я бы сказал: «не ходи», — он склонил голову набок. — Но ты ведь не слушаешь.

— Не послушаю.

— Тогда хотя бы запомни: то, что ты увидишь внизу, не всегда правда. Но и не всегда ложь. И главное — не позволяй ей коснуться твоего сердца. Она умеет превращать любовь в тоску, а тоску — в корни.

— Спасибо, — Алиса усмехнулась. — Впервые от тебя полезный совет.

— Просто я не хочу, чтобы ты умерла, не отдав долг, — Прохоров отступил в тень. — А долг у тебя, уж поверь, есть.

И дверь за Алисой закрылась.

В подполе было темно, но не так, как бывает в обычных подвалах, где тьма стоит плотно и глухо. Здесь тьма шевелилась. Она дышала, как большой зверь, и от этого дыхания огонёк в светильнике Заряны то вспыхивал, то сжимался в крошечную точку.

Корни, о которых говорил Андрон, были везде: на потолке, на стенах, на полу. Они не просто оплетали дом — они, казалось, были его продолжением, его нервами, его памятью. И в них, если приглядеться, можно было различить слабое, едва заметное свечение, как будто внутри текла не вода, а свет.

— Это она, — прошептал Андрон. — Миража. Она в каждом корне.

— А где само семя? — спросила Алиса.

— Внизу. В самой глубине. Там, где корни сходятся в узел.

Они двинулись вперёд. Проход был узким, и идти приходилось гуськом, но чем глубже они спускались, тем шире становился ход, тем светлее — но не от огня, а от того самого корневого свечения.

Буся, сидевшая на спине Мирона, вдруг тихо произнесла:

— Здесь красиво. И грустно. Как будто дом вспоминает тех, кого любил.

— Так и есть, — отозвалась Заряна. — Подпол — это память дома. Здесь оседает всё, что не смогло уйти.

— А что не смогло уйти у тебя? — спросила Буся.

Заряна не ответила, но её рука, державшая светильник, дрогнула.

Вскоре ход вывел их в круглую залу. Стены её были сплошь из корней, которые сплетались в причудливые узоры, а в центре, на небольшом возвышении, лежало то, ради чего они пришли.

Семя.

Оно было не таким, каким его представляла Алиса. Не маленьким зерном, не чёрной горошиной. Это был клубок размером с голову ребёнка, сплетённый из тонких, полупрозрачных нитей, которые непрерывно шевелились, как змеи. Внутри клубка что-то билось — мерно, глухо, как сердце спящей земли. И от него исходило не тепло и не холод, а то странное, тягучее чувство, какое бывает, когда смотришь в тёмную воду и не видишь дна.

— Вот оно, — выдохнул Андрон. — Семя Миражи.

— Оно... живое, — прошептала Буся, прижимаясь к Мирону.

— Живее нас, — ответил тот. — И старше.

Алиса сделала шаг вперёд. Перстень на её пальце вспыхнул, и клубок, словно почувствовав, замер. Все его нити, ещё секунду назад шевелившиеся, застыли, как перед броском.

— Он знает, что мы здесь, — тихо произнесла Заряна. — И он ждёт.

— Чего? — спросила Алиса.

— Хозяйку, — из клубка донёсся голос. Не злой, не страшный, а усталый, как будто говорившая только что проснулась от долгого сна. — Я ждала ту, что наденет перстень. И ты пришла.

Из клубка начала подниматься фигура. Прозрачная, сотканная из тех же нитей, но с ясными, человеческими очертаниями. Женщина. Высокая, с длинными волосами, в которых, как капли росы, светились крошечные огоньки. Лицо её было прекрасным и страшным одновременно — не потому, что уродливо, а потому, что на нём не было ничего человеческого. Только покой. И ожидание.

— Здравствуй, Миража, — произнесла Алиса.

— Здравствуй, девятая, — ответила женщина. — Наконец-то.

И зала наполнилась светом.

Конец первой главы.

В следующей главе: Миража раскроет Алисе истинную цену закрытия двери, а отряд поймёт, что спуск вниз был лишь началом. Тем временем наверху, в доме, Прохоров найдёт то, что не должен был находить.

Глава 2. В которой Миража говорит условие, а наверху уже ждёт беда

Свет в подземной зале дрожал, как пламя свечи на сквозняке, и в этом дрожащем свете Миража казалась то живой, то сотканной из тумана. Её длинные волосы, светившиеся изнутри, медленно колыхались, хотя воздуха внизу не было; а глаза — два глубоких, тёмных омута — смотрели на Алису с тем особым выражением, в котором не было ни враждебности, ни тепла. Только древнее, всезнающее терпение.

— Наконец-то, — повторила она, и голос её прозвучал не в ушах, а где-то внутри, под сердцем. — Я знала, что однажды придёт девятая. Та, что замкнёт круг.

— Я не собираюсь ничего замыкать, — Алиса выпрямилась, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я пришла, чтобы закрыть дверь. Ту, что ты оставила открытой.

— Дверь, — Миража растянула губы в улыбке, и от этой улыбки у Алисы похолодело в груди. — Ты говоришь так, будто дверь — это просто дверь. Но дверь — это не дерево и не камень. Дверь — это то, что внутри тебя. И закрыть её может только тот, кто откроет.

— Загадки, — проворчал Мирон, выходя вперёд и заслоняя собой Бусю. — Она опять говорит загадками. Может, сразу к делу? Что тебе нужно?

Миража перевела взгляд на кота, и в её глазах что-то блеснуло — не гнев, не насмешка, а скорее любопытство, какое бывает у кошки, увидевшей незнакомого зверя.

— Мне нужно, чтобы вы помогли, — произнесла она просто.

Все переглянулись. Перышко, стоявший у стены, сжал крылья. Андрон, державшийся позади, переступил с ноги на ногу.

— Помогли? — переспросила Заряна, и в её голосе прозвучало недоверие. — После всего, что ты сделала?

— Я не делала, — Миража качнула головой, и по её волосам пробежали светящиеся искры. — Я лишь оставила семя. А вы, люди, сами вырастили его. Своими страхами, своими ссорами, своим горем. Семя питается тем, что вы прячете. И за триста лет оно накопило столько, что проросло сквозь все защиты. Теперь оно — не моё. Оно — ваше.

— Что ты хочешь этим сказать? — Алиса нахмурилась.

— Семя уже не подчиняется мне, — в голосе Миражи впервые мелькнуло что-то похожее на усталость. — Оно стало самостоятельным. И оно ищет не меня — оно ищет выход. Если оно вырвется, то затопит всю округу. И тогда не будет ни дома, ни леса, ни людей, что приходят к тебе за помощью.

— Почему ты говоришь нам это? — спросила Заряна.

— Потому что вы — моя последняя надежда, — Миража опустила глаза, и на мгновение в ней проступило что-то человеческое, хрупкое. — Я хочу, чтобы вы помогли мне усмирить его. А для этого нужно помочь тем, кого оно уже коснулось.

— Каким образом?

— Семя пускает корни не только в землю, но и в души. Оно притягивает к себе людские беды, как громоотвод — молнии. Но молнии эти не сгорают. Они оседают здесь, в подполе, и кормят семя. Чтобы ослабить его, нужно вырвать эти корни. А для этого — помочь тем, чьи беды его питают.

— Ты предлагаешь нам стать... кем? — Андрон выступил вперёд, и в его голосе зазвучала обида. — Мы и так помогаем! Всем, кто приходит!

— Вы помогаете, — согласилась Миража. — Но есть те, кто не может прийти. Их беды сидят глубоко, и они не знают, что их можно вытащить. Семя нашло их. И если вы не поможете им в течение трёх дней, они умрут. А вместе с ними погибнет и часть этого дома.

— Что за люди? — спросила Алиса.

— Их трое. Первый — в деревне, что за Горелым лугом. Второй — в городе, в старой квартире. Третий... — Миража помедлила, — третий ближе, чем вы думаете.

— Ты можешь сказать точнее?

— Нет. Вы должны почувствовать. Вы уже чувствуете, просто не придаёте значения. Идите наверх, и вы поймёте. А я.. — она начала таять, и фигура её стала прозрачной, — я подожду. Но недолго.

Свет в зале стал гаснуть. Корни, оплетавшие стены, зашевелились, но уже не грозно, а как будто устало.

— Уходим, — скомандовала Алиса. — Нужно возвращаться.

Они поднялись по лестнице и вышли в горницу. Дом встретил их прохладой и полумраком. Окна были закрыты ставнями, но сквозь щели пробивался серый, пасмурный свет — наверное, уже наступило утро.

Прохоров сидел за столом и чистил нож, которым, как он утверждал, «можно резать даже сны». Увидев отряд, он поднял голову и прищурился.

— Вы живы, — констатировал он. — Значит, она не убила вас.

— Она просила о помощи, — Алиса села на лавку, не обращая внимания на его иронию. — Семья, оказывается, не просто в земле. Оно пустило корни в троих людей. Мы должны их спасти.

— А я тебе говорил, — Прохоров отложил нож. — Миража всегда приходит с чужими бедами.

— Ты знаешь, кто эти трое? — спросила Заряна.

— Нет. Но могу узнать. — Он поднялся и направился к двери. — И, кстати, наверху, у калитки, уже минут двадцать стоит женщина. По-моему, с ней что-то не так.

Алиса и остальные переглянулись и вышли на крыльцо.

У калитки действительно стояла женщина. Она была немолода, но и не стара — лет сорока пяти, с русой косой, перекинутой через плечо, и бледным, осунувшимся лицом. Одета в простое платье и старый плащ, на ногах — резиновые сапоги, с которых ещё капала грязь. В руках она сжимала узелок, а взгляд её был таким, будто она видела что-то, чего не видели другие.

— Вы ведьма? — спросила она, как только Алиса подошла.

— Я Алиса. Проходите. Что случилось?

Женщина прошла в дом, села на предложенный стул, но узелок так и не выпустила. Пальцы её подрагивали.

— Меня зовут Валентина, — начала она. — Я из деревни Ключи. Это за Горелым лугом. Три дня назад у меня... началось.

Она развязала узелок. Внутри лежала маленькая глиняная фигурка — птица, свёрнутая из обожжённой глины, но не простая: её крылья были сложены так, будто птица падала. И от фигурки шёл едва заметный запах дыма.

— Это я нашла на пороге, — пояснила Валентина. — И с тех пор в доме по ночам кто-то ходит. Я слышу шаги, но никого нет. И ещё... — она запнулась, — у меня пропадают вещи. Не просто теряются, а исчезают. Ложки, носки, даже фотографии. Как будто кто-то их забирает.

— И что в этом необычного? — не удержался Андрон. — У нас тоже носки пропадают. Буся виновата.

— Я не беру носки! — возмутилась Буся. — Я только дегустирую!

— Тише, — Алиса подняла руку. — Продолжайте, Валентина.

— Вчера пропала моя дочь, — голос женщины сорвался. — Точнее, не дочь, а её... — она замолчала, подбирая слово, — её тень.

В горнице стало тихо. Мирон, лежавший у печи, поднял голову.

— Что значит — тень? — спросила Алиса.

— Она вышла из комнаты, а тень осталась на стене. Как нарисованная. А сама дочь... она теперь без тени. И с каждым днём становится всё бледнее. Я боюсь, что она исчезнет совсем.

Валентина заплакала — тихо, беззвучно, и Буся, не выдержав, подошла и положила лапку ей на колено.

— Не плачьте, — сказала она. — Мы найдём вашу тень. У меня тоже однажды пропадала. Правда, потом оказалось, что она просто спряталась в малиннике, но суть та же.

Валентина, всхлипнув, вытерла глаза.

— Это связано с фигуркой? — спросила Алиса, осторожно беря птицу в руки. Та была холодной и, как ей показалось, едва заметно вибрировала.

— Я думаю, да, — кивнула женщина. — Мне её подкинули. Кто-то чужой. Но я никому не делала зла.

— Значит, это семья, — тихо произнесла Заряна, подходя ближе. — Оно тянется к тем, кто рядом с домом. Или к тем, кто слаб.

— Мы поможем, — Алиса сжала фигурку. — Но нужно действовать быстро. Сначала — в вашу деревню. Покажем, как вернуть тень.

— А потом? — спросил Андрон.

— Потом — искать второго человека. Того, что в городе. — Алиса повернулась к Прохорову, который всё это время стоял у двери. — Ты говорил, что узнаешь. Узнавай.

— Уже, — Прохоров вытащил из рукава маленький амулет и подбросил его в воздух. — Через час доложу.

Он вышел, а отряд начал собираться. Буся, воодушевлённая, бегала по дому и собирала «всё нужное для спасения теней» — то есть горсть сушёной мяты, моток красных ниток и старый веник.

— Это для ритуала? — скептически спросил Мирон.

— Нет, это для настроения, — ответила Буся. — С веником я чувствую себя увереннее.

— Логично, — хмыкнул кот. — Особенно если нужно замести следы.

Сборы были недолгими. Андрон остался дома — «хранить очаг и присматривать за Прохоровым, если вернётся». Заряна, Мирон, Буся, Перышко и Алиса отправились в Ключи.

Дорога шла через Горелый луг — то самое место, о котором упоминала Миража. Луг был чёрным от старой гари, но кое-где уже пробивалась свежая трава. Алиса чувствовала, как перстень на пальце становится всё теплее по мере приближения к деревне, и это было дурным знаком.

— Оно близко, — прошептала она. — Семья. Оно знает, что мы идём.

— Пусть знает, — Мирон оскалился. — Мы тоже знаем, что оно рядом.

Ключи оказались небольшой деревней, приютившейся между двумя оврагами. Дом Валентины стоял на отшибе, и, едва отряд подошёл к нему, Алиса увидела: из-под забора, из-под крыльца, из каждой щели тянутся тонкие, полупрозрачные нити — те самые, что она видела в подполе. Они не светились, но были заметны в пасмурном свете, как паутина.

— Она уже здесь, — выдохнула Буся, прижимаясь к Мирону.

— Значит, мы успели, — ответила Алиса и решительно толкнула калитку.

В доме пахло сыростью и печалью. На стене, в гостиной, висела тень девочки — совсем недавно здесь стояла живая, а теперь лишь тёмный силуэт, застывший в испуганном жесте. Валентина, увидев это, снова заплакала.

— Где ваша дочь? — спросила Заряна.

— В комнате, — всхлипнула женщина. — Лежит, не встаёт.

Алиса прошла в комнату. На кровати, укрытая одеялом, лежала девочка лет десяти. Она была бледна, почти прозрачна, и дышала так тихо, что, если не приглядываться, можно было не заметить.

— Тень нужно вернуть, — сказала Заряна. — Но сначала — сжечь фигурку. Это она держит разрыв.

Алиса кивнула и, достав фигурку, вышла во двор. Там, на открытом месте, развела небольшой огонь из полыни и щепок. Фигурка не хотела гореть: пламя лизало глину, но та лишь чернела, не рассыпаясь. Тогда Алиса прочитала заговор, и фигурка взорвалась мелким крошечком, из которого вылетела чёрная нить и, извиваясь, потянулась к дому.

— Лови! — крикнул Мирон, прыгая за нитью.

Но Буся уже бежала в дом, к комнате девочки. Она встала между стеной с тенью и кроватью, раскинула лапки и запела. Песня была тихой, но в ней звенела такая сила, что тень на стене дрогнула и начала отлипнуть.

— Иди, — шептала Буся. — Иди, не бойся.

И тень, оторвавшись от стены, поплыла по воздуху, к кровати, к девочке. Накрыла её, слилась с ней, и девочка, вздрогнув, открыла глаза.

— Мама? — позвала она.

Валентина, вбежавшая в комнату, бросилась к дочери. Алиса, стоя в дверях, выдохнула.

— Первый спасён, — произнесла она.

— Значит, осталось двое, — отозвалась Заряна.

А за окном, над лугом, уже сгущались тучи, и где-то далеко, в городе, в старой квартире, начиналась новая беда.

Конец второй главы.

В следующей главе: отряд возвращается на Тридесятую улицу, где Прохоров сообщает о втором человеке, нуждающемся в помощи. Им оказывается старик, чьи часы остановились в один и тот же час, а квартира наполнилась чужими тенями. Буся узнаёт, что значит «слышать время».

Глава 3. В которой возвращение пахнет дымом, а в городе останавливаются часы

Обратная дорога через Горелый луг вышла не такой, как утренняя. Небо, ещё недавно просто пасмурное, налилось тяжёлой, свинцовой синевой, и в воздухе запахло не то дождём, не то гарью. Трава под ногами, та самая молодая зелень, что ещё утром весело пробивалась сквозь чёрную землю, теперь полегла, будто кто-то прошёл по ней огромным невидимым катком. Алиса то и дело оглядывалась: ей казалось, что за ними следят. Не люди, не звери — что-то другое, бесформенное, как тень на периферии зрения.

— Перестань, — негромко сказал Мирон, шагавший рядом. — Чем больше ты оглядываешься, тем сильнее оно становится.

— Оно? — Алиса перевела на него взгляд.

— Ну, то, что ты чувствуешь. — Кот повёл ушами. — У страха есть свой запах. И оно его слышит за версту.

— А у меня есть страх? — подала голос Буся, семенившая рядом с Перышко.

— У тебя — нет. У тебя сплошное любопытство, — беззлобно отозвался Мирон. — Это хуже.

— Любопытство — не страх. Любопытство — двигатель.

— Двигатель в данном случае может завести нас в такие дебри, что потом не выберемся.

— Но мы же всегда выбираемся, — Буся улыбнулась, и от этой улыбки, от этого простого, беззаботного заявления, даже тяжёлый воздух стал будто легче.

Заряна, шедшая впереди, вдруг остановилась и подняла руку.

— Тише, — произнесла она, вглядываясь в просвет между деревьями. — Там, впереди, кто-то есть.

Отряд замер. Алиса прищурилась, но ничего, кроме колышущихся ветвей, не увидела. Однако огарок в её кармане, всю дорогу спокойный, вдруг потеплел, заставив вздрогнуть.

— Это не человек, — тихо сказал Перышко, разворачивая крылья, будто готовился взлететь. — И не дух. Что-то между.

— Сколько их? — спросила Алиса.

— Одно. И оно ждёт.

— Тогда подойдём, — Алиса сжала перстень и сделала шаг вперёд.

Существо оказалось небольшим, с лохматую собаку, но совершенно чёрным, как мокрая зола. Оно сидело на поваленном стволе и не двигалось, только грудь его тяжело вздымалась. Когда Алиса подошла ближе, оно подняло голову, и она увидела его глаза — не звериные, а человеческие, тёмные, полные такой тоски, что у неё перехватило дыхание.

— Ты кто? — спросила она, опускаясь на корточки.

Существо разомкнуло пасть, но вместо слов раздался хрип, как будто оно долго кричало и сорвало голос. Буся, не выдержав, подбежала и положила лапку на его лапу.

— Оно не может говорить, — сказала она. — Но я слышу. Оно говорит: «Меня выгнали».

— Кто выгнал? — спросила Алиса.

— Хозяйка. — Буся нахмурилась, прислушиваясь. — Оно жило в часах. В больших, напольных. А теперь часы остановились, и его выгнали, потому что оно не смогло больше тикать.

— Это дух времени, — тихо произнесла Заряна, приблизившись. — Они селятся в старых часах, которые передаются по наследству. Пока часы идут, дух живёт. Когда часы останавливаются, дух умирает. Но этот... этот ещё жив. Значит, его часы не просто остановились. Их кто-то удержал.

— Кто? — Алиса переглянулась с ней.

— Тот, кто не хочет, чтобы в доме шло время. — Заряна погладила существо по голове, и оно, всхлипнув, прижалось к её ладони. — Миража. Или её корни. Они уже в городе.

— Второй человек, — вспомнила Алиса. — Миража сказала: второй — в городе, в старой квартире. Возможно, это его часы.

— Тогда мы должны идти туда, — Заряна выпрямилась. — И взять его с собой. Он знает дорогу.

Существо, словно поняв, закивало и, поднявшись на лапы, потрусило вперёд, то и дело оглядываясь, проверяя, идут ли они следом.

До города добрались уже к вечеру. Дождь, так и не пролившийся, висел в воздухе мелкой взвесью, и фонари, зажигавшиеся вдоль дороги, расплывались жёлтыми пятнами. Город встретил их шумом, но Алиса, привыкшая к лесной тишине, теперь различала в этом шуме нечто тревожное: не просто гул машин, а тонкий, едва уловимый перезвон, как будто тысячи маленьких часов тикали вразнобой.

— Это здесь, — Заряна остановилась у старого пятиэтажного дома. Окна его были тёмными, кроме одного — на третьем этаже, где горел тусклый, неровный свет.

— Квартира? — спросила Алиса.

— Двенадцатая, — ответила Заряна, и в её голосе прозвучала странная уверенность, будто она уже бывала здесь.

Подъезд встретил их запахом сырой штукатурки и старого дерева. Лестница скрипела под ногами, и каждый шаг отдавался в пустом пролёте, как удар. Буся прижалась к Мирону, а Перышко, сложив крылья, шёл последним, готовый в любой момент заслонить остальных.

Квартира двенадцатая оказалась на третьем этаже. Дверь была приоткрыта, и из-за неё тянуло холодом.

— Входим, — шёпотом сказала Алиса и толкнула дверь.

Внутри было темно, но не так, как в заброшенном жилище, а как в комнате, где только что погасили свет. Алиса достала огарок, и тот, вспыхнув, осветил пространство. Квартира была старой, но ухоженной: на стенах — выцветшие обои, на полках — пыльные книги, на столе

— остывший чай в стакане с подстаканником. И повсюду — часы. Настенные, настольные, карманные, будильники — все они остановились, и стрелки их застыли на одном и том же времени: без пяти двенадцать.

— Никогда не видел столько мёртвых часов, — пробормотал Мирон, озираясь.

— Они не мёртвые, — раздался старческий голос, и из соседней комнаты, опираясь на палку, вышел старик. Он был худ, сутул, с редкими седыми волосами и тёмными, глубоко посаженными глазами. Одет в потёртый халат, на ногах — войлочные тапки. — Они живые. Просто спят.

— Вы — хозяин? — спросила Алиса.

— Хозяин, — старик кивнул. — Марк Семёнович. А вы, стало быть, те самые, кого послала беда. — Он прошаркал к столу, сел. — А я уж думал, не дождусь.

— Вы знали, что мы придём? — удивилась Буся.

— Знал. У меня время не идёт, — он обвёл рукой комнату, — но я-то всё слышу. Вот, слышал, как вы поднимались. И как этот, — он кивнул на чёрное существо, жавшееся к ногам Заряны, — выл по ночам. Это ведь мой Тик-Так.

— Тик-Так? — переспросила Алиса.

— Дух часов, — пояснил старик. — Он у меня с детства. Как часы остановились, он ушёл. А я остался.

— Почему вы не обратились раньше? — спросила Заряна.

— К кому? — Марк Семёнович горько усмехнулся. — Врачи говорят — сердце. Соседи — старость. А я знаю: это не болезнь. Это она. Женщина из-под пола.

— Миража, — прошептала Алиса.

— Не знаю, как её звать. Она приходит по ночам. Стоит у окна, шепчет. И стрелки на часах крутит — то назад, то вперёд. А потом останавливает. Говорит: «Время — это твоя клетка. Отдай её, и я тебя выпущу».

— Вы согласились? — спросил Мирон.

— Нет. Но она не отстаёт. — Старик поднял руку, и Алиса увидела: пальцы его были тонкими, почти прозрачными, как у человека, из которого медленно вытекала жизнь. — Сил всё меньше. Ещё пара ночей — и я соглашусь.

— Не согласитесь, — твёрдо сказала Алиса. — Мы её выгоним.

— Это не так просто, — Марк Семёнович покачал головой. — Она вросла в пол, в стены, в часы. Если просто сломать часы, она уйдёт в меня.

— Тогда нужно не ломать, а завести, — неожиданно произнесла Буся.

Все посмотрели на неё.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Заряна.

— Тик-Так, — Буся кивнула на чёрное существо. — Он же дух времени. Если он вернётся в часы, они снова пойдут. А если часы пойдут, Миража не сможет крутить стрелки. Время её не пустит.

— Верно, — Заряна задумалась. — Но, чтобы дух вернулся, нужно, чтобы часы его узнали. А для этого нужно назвать его по имени. Настоящему.

— Тик-Так и есть настоящее, — старик улыбнулся. — Я его так с детства звал. А он откликался.

— Тогда зовите, — Алиса встала. — Зовите его. А мы поможем.

Марк Семёнович поднялся, подошёл к большим напольным часам в углу и положил на них ладонь.

— Тик-Так, — позвал он, и голос его, поначалу слабый, окреп. — Тик-Так, иди домой.

Чёрное существо, всё это время, сидевшее у порога, подняло голову. В его глазах вспыхнул свет — не жёлтый, не зелёный, а живой, тёплый. Оно сделало шаг, другой, и, превратившись в струйку серого дыма, скользнуло к часам.

Раздался тихий, чистый звук — как будто кто-то тронул колокольчик. Стрелки на напольных часах дрогнули и медленно, неуверенно, начали двигаться.

— Идут, — выдохнул старик, и из глаз его полились слёзы. — Идут, родимые.

Вслед за напольными ожили и остальные часы. Квартира наполнилась тиканьем, но теперь оно было не тревожным, а ровным, успокаивающим, как шум дождя за окном. Алиса почувствовала, как отпускает холод, державший её с самого входа.

— Спасибо, — Марк Семёнович обернулся. — Вы даже не знаете, что вернули мне.

— Знаем, — Алиса улыбнулась. — Мы вернули время.

Она уже собиралась попрощаться, когда из-под пола, из тёмной щели у стены, донёсся едва слышный шёпот:

— Вы думаете, что победили?..

Все замерли. Буся прижалась к Мирону. Перышко расправил крылья. Алиса, сжав перстень, подошла к щели и заглянула в неё.

— Мы ещё не закончили, — ответила она. — Но тебе здесь больше не рады.

Шёпот стих, но в воздухе ещё долго висел холод, как будто кто-то невидимый стоял рядом и смотрел.

— Уходим, — тихо сказала Заряна. — До рассвета нужно добраться до дома.

Они попрощались со стариком и вышли. На улице уже совсем стемнело, но дождь наконец-то пошёл — мелкий, ласковый, смывающий с города пыль. Отряд шёл к остановке, и Буся, разморённая дождём и усталостью, тихонько пела себе под нос.

— Что это? — спросил Мирон.

— Песенка про Тик-Така, — ответила Буся. — Он хороший. И старичок хороший. А Миража — нет.

— Ты права, — Мирон усмехнулся. — Но для духа времени «Тик-Так» — не слишком ли?

— Зато теперь у него есть имя, — Буся мечтательно вздохнула. — А у кого есть имя, того нельзя забыть.

Алиса, слушая их, улыбалась, но в глубине души знала: впереди ещё третий человек. Тот, кто «ближе, чем они думают». И от этой мысли ей было не по себе.

Когда они добрались до дома, Прохоров уже ждал на крыльце. Он был мокрым, но, как всегда, невозмутимым.

— Второй спасён, — сообщила Алиса, поднимаясь по ступеням.

— Знаю, — кивнул тот. — Я видел, как ожили часы. — Он помолчал. — Но третий... третий не так прост.

— Кто он?

— Не он, — Прохоров посмотрел ей прямо в глаза. — Это твой дом. Точнее, тот, кто в нём живёт.

— Андрон? — вырвалось у Алисы.

— Нет. — Прохоров отвёл взгляд. — Это господин Усач.

Алиса похолодела.

— Усач? Жук?

— Не просто жук, — Прохоров вздохнул. — И, кажется, он не тот, за кого вы его принимали.

И он, отступив, растворился в дождливой темноте.

Конец третьей главы.

В следующей главе: отряд бросается в дом, чтобы узнать, что случилось с господином Усачом. Выясняется, что маленький жук хранит тайну, способную изменить всё, что они знали о Доме. Буся впервые усомнится в собственном друге, а Андрон вынужден будет признать, что он знал больше, чем рассказывал.

Глава 4. В которой господин Усач оказывается не жуком, а дом учится плакать

Дверь распахнулась от удара ладони Алисы, и в лицо пахнуло тёплым, почти невыносимо густым воздухом, какой бывает в доме, где долго не открывали окон. В горнице было темно, но не по-ночному, а как-то иначе — словно свет, проникавший снаружи, отказывался касаться стен. И в этой темноте, посреди стола, на том самом блюде, куда Андрон каждое утро наливал господину Усачу каплю молока, лежал он.

Жук.

Но не просто жук. Его надкрылья, обычно блестящие иссиня-чёрные, теперь светились тем же призрачным, корневым светом, что Алиса видела в подполе. Свет этот пульсировал, как сердце, и вместе с ним пульсировала тьма по углам — то сгущаясь, то отступая. Усики жука мелко дрожали, а лапки, сложенные на груди, были покрыты тонкой серебристой паутиной.

— Усач! — Буся первой бросилась к столу, но Мирон успел перехватить её за шкирку.

— Не трогай, — глухо произнёс он. — От него идёт нехороший запах.

— Какой? — Буся замерла, пригнувшись.

— Как от старого погреба, где завелась гниль. И ещё... — Мирон повёл ушами, — как от Миражи.

Заряна, обойдя стол, склонилась над жуком, не касаясь его. Её лицо в неверном свете, казалось, вырезанным из старого пергамента.

— Он заражён, — произнесла она наконец. — Семя дотянулось до него в тот момент, когда мы были внизу. Оно почувствовало, что Усач — не просто насекомое, и вцепилось.

— А кто он? — спросила Алиса, не сводя глаз с пульсирующего жука.

— Хранитель, — ответил вместо Заряны Андрон. Он стоял в дверях, ведущих в его каморку, и был бледен, как полотно. — Он всегда был хранителем. Не жуком. Просто выбрал такую форму, чтобы быть незаметным.

— Почему ты раньше молчал? — Мирон резко обернулся к нему, и в его голосе прозвучал не гнев, а обида.

— Потому что он сам просил, — Андрон опустил глаза. — Господин Усач ещё при Серафиме пришёл в дом. Сказал, что будет охранять порог, но не хочет, чтобы его видели в истинном виде. Он боялся, что испугает всех.

— В истинном виде? — переспросила Буся, у которой уши встали торчком.

— Он не жук, — повторил Андрон. — Он существо. Очень старое. Одно из тех, что родились из корней ещё до Миражи. Его звали... — домовый запнулся, подбирая слово, — его звали Корневик. Но он просил звать его Усачом. Говорил, так смешнее.

Повисла тишина. Даже жук на столе, казалось, замер, прислушиваясь к разговору.

— И что теперь с ним делать? — спросил Перышко, выходя из тени. — Если он заражён, он может превратиться в...

— В росток, — закончила Заряна. — Семя использует его как проводник. Если мы не вытащим заразу, к утру от Усача останется лишь оболочка, а внутри прорастёт новый побег.

— Как его спасти? — голос Буси дрогнул.

— Нужно очистить его. Но не здесь. — Заряна подняла глаза на Алису. — В подполе, у корней. Там, где семя сильнее всего, но и где его можно вырвать с корнем. Нужно спуститься и провести обряд.

— Опять вниз? — Мирон нахмурился. — Мы только оттуда.

— Теперь у нас есть причина, — Заряна кивнула на жука. — И у нас есть он. Если Усач придёт в себя, он покажет, где именно семя прячет своё сердце.

— А если не придёт в себя? — тихо спросила Буся.

— Тогда будет хуже, — честно ответила Заряна.

Алиса подошла к столу и, не касаясь, склонилась над жуком.

— Усач, — позвала она. — Ты слышишь?

Надкрылья дрогнули, и на мгновение ей показалось, что в их блеске мелькнуло что-то осмысленное. Потом жук судорожно дёрнул лапками, и свет, исходящий от него, стал ярче.

— Он борется, — прошептала Буся, прижимаясь к Мирону. — Я слышу, как он кричит. Только внутри.

— Значит, у нас мало времени, — Алиса выпрямилась. — Готовьтесь. Идём вниз. Все.

— Я с вами, — Андрон выступил вперёд, и на этот раз никто не стал спорить.

Пока собирались, Буся не отходила от стола. Она сидела, положив лапки на край, и тихонько пела — не заклинание, а ту самую колыбельную, что когда-то помогла духу сна. И Алиса видела: с каждым её звуком свечение жука становилось чуть мягче, а паутина на лапках будто истончалась.

— Ты умеешь успокаивать, — заметила Заряна, укладывая в сумку пучки трав.

— Я не успокаиваю, — отозвалась Буся. — Я просто напоминаю ему, что он не один.

Спуск в подпол занял больше времени, чем в прошлый раз. Стены хода теперь не просто светились — они дышали, вздымались, как бока огромного зверя. Корни, оплетавшие проход, стали толще и темнее, и в их толще угадывались лица — нечёткие, размытые, но такие, что лучше было не вглядываться. Воздух был плотным, как кисель, и каждый вдох давался с усилием.

Перышко, шедший первым, то и дело останавливался, прислушиваясь.

— Оно знает, что мы здесь, — произнёс он, не оборачиваясь.

— Пусть знает, — отозвался Мирон. — Скрываться всё равно не выйдет.

Наконец они вышли в круглую залу, где лежало семя. Оно изменилось: теперь это был уже не клубок нитей, а настоящий узел — огромный, пульсирующий, из которого во все стороны тянулись корни, впиваясь в стены, в пол, в потолок. И в самом центре узла, полупрозрачная, как дым, стояла Миража. Она не была похожа на прежнюю — в ней не осталось ни красоты, ни величия. Только усталость и что-то, отдалённо напоминающее боль.

— Вы принесли его, — произнесла она, глядя на жука в руках Алисы. — Хорошо.

— Ты знала, что так будет, — сказала Алиса.

— Знала. И боялась, что не успеете. — Миража качнулась, и по её телу, как по воде, пошли круги. — Положите его на узел. Он сам знает, что делать.

— А ты? — спросила Заряна.

— А я уйду, — ответила Миража. — Но сначала помогу.

Она подняла руку, и корни, удерживавшие семя, дрогнули, разомкнулись, открывая проход к сердцевине. Алиса, бережно держа жука, подошла ближе. Усач в её ладонях вдруг зашевелился, приподнялся на лапках и, расправив надкрылья, издал тот самый тонкий, пронзительный свист, который когда-то отогнал тени Гольц.

И в тот же миг семя содрогнулось.

— Сейчас! — крикнула Заряна. — Алиса, положи его!

Алиса опустила жука на узел. Тот, засеменив, втиснулся в самую середину, где пульсировало что-то, похожее на чёрное сердце, и вцепился в него всеми лапками. Раздался звук, похожий на треск разрываемой ткани. Семя задрожало, корни по стенам забились, как раненые змеи, и из глубины поднялся вой — не один, а сотни, слившиеся в один.

— Он выгрызает заразу! — воскликнула Буся, не зная, радоваться или ужасаться. — Он ест её!

— Он очищает, — поправила Заряна, вскинув руки и читая защитный заговор.

Миража, стоявшая у стены, начала таять. Но прежде, чем исчезнуть, она произнесла — тихо, но отчётливо:

— Теперь всё. Я ухожу. Берегите дом.

И растаяла.

Семя в последний раз содрогнулось и замерло. Чёрное сердце в его центре перестало биться. Корни, ещё минуту назад полные силы, начали осыпаться трухой. И только жук, выбравшись из груды праха, деловито пополз по руке Алисы вверх, к её плечу, где и устроился, тихонько стрекоча.

— Он жив, — выдохнула Буся и заплакала, но уже от радости.

— Жив, — подтвердил Андрон, подхватывая её на руки. — И, кажется, очень хочет есть.

Они выбрались из подпола на рассвете. Дом, ещё вчера казавшийся уставшим, теперь светился изнутри, как будто его окна наполнились солнцем. И когда отряд вышел на крыльцо, их встретила тишина — но не тревожная, а та, что бывает после долгой, затянувшейся грозы.

— Мы победили? — спросила Буся.

— Мы выжили, — ответила Алиса. — И это уже много.

— А Миража?

— Ушла. Наверное, насовсем.

— А Усач? — Буся погладила жука, сидевшего на плече Алисы.

— Усач останется с нами, — Алиса улыбнулась. — Теперь мы точно знаем: он не просто жук.

— Он — герой, — Буся важно кивнула. — И будет получать двойную порцию молока.

Мирон, сидевший рядом, фыркнул:

— Вот только не надо его разбаловывать. А то начнёт ещё свистеть по ночам.

— Пусть свистит, — отозвался Андрон. — Лишь бы дом стоял.

Они ещё долго сидели на крыльце, глядя, как солнце поднимается над лесом, и каждый думал о своём. Алиса — о том, что где-то в городе, в старой квартире, снова идут часы; о том, что в деревне у Горелого луга девочка снова смеётся; о том, что дом, который она теперь называла своим, пережил ещё одну ночь. И о том, что впереди, возможно, будут новые беды, новые люди и новые чудеса.

Но сейчас, в этот тихий утренний час, ей было спокойно.

Рядом сидели те, кто стал её семьёй. И это было главное.

Конец четвёртой главы.

В следующей главе: отряд отдыхает, но недолго. В дверь стучится незваный гость с вестью о том, что семя было не единственным. А в лесу, на границе, вновь появляется туман, и из него выходит тот, кого никто не ждал.

Глава 5. В которой земля не может успокоиться, а из тумана выходит та, кого забыли

Утро после победы над семенем выдалось на удивление тихим — настолько тихим, что Алиса, проснувшись, первым делом выглянула в окно, ожидая увидеть что-то необычное. Но двор был пуст и залит ровным, медовым светом. Даже куры Андрона, которых он, к собственному удивлению, завёл на заднем дворе, не кудахтали, а тихо копались в траве. Господин Усач, сидевший на своём излюбленном камне, деловито чистил усы, как будто ночные события его совершенно не касались.

— Ты выпалась? — раздался голос Мирона. Кот стоял на пороге горницы, и вид у него был такой, будто он вообще не ложился.

— Выпалась, — Алиса потянулась. — А ты? Выглядишь, как будто всю ночь сторожил.

— Сторожил, — признался он. — После того как Усач выгрыз сердце семени, у меня в голове не укладывается, что всё закончилось. Слишком уж быстро.

— Не так уж быстро, — Заряна вошла следом, неся поднос с кружками взвара. — Мы шли к этому несколько недель. Просто развязка всегда кажется внезапной.

— Это точно, — поддакнул Андрон, появляясь из-за печи с охапкой дров. — Вон, Серафима, бывало, говорила: «Бойся не того, что происходит, а того, что происходит слишком тихо». Так что тишина эта мне не нравится.

— И мне, — Алиса приняла кружку, но пить не стала. — Я чувствую, что где-то остался след. Как будто что-то не доделано.

— У тебя перстень, — Заряна кивнула на её руку. — Он теперь часть тебя. И он слышит то, что не слышим мы.

Алиса подняла ладонь. Перстень, ещё вчера тусклый, сегодня горел ровным, спокойным светом, и от него шло едва уловимое тепло. Она закрыла глаза, прислушиваясь.

— Земля... взволнована, — произнесла она наконец. — Не здесь. Где-то на границе леса. У Старой гати. Там что-то движется.

— Туман? — насторожился Мирон.

— Возможно. Но не тот, что был раньше. — Алиса открыла глаза. — Нужно проверить.

— Успеем, — Заряна поставила кружку. — Сначала завтрак. А потом пойдём.

Но до завтрака отряд так и не добрался.

Со двора донёсся звук — не крик, не стук, а тонкий, почти комариный писк, который, однако, слышали все. Буся, спавшая на лежанке, вскинулась, как ужаленная.

— Что это? — спросила она, тараща глаза.

— Это калитка, — Андрон побледнел. — Я её смазал вчера маслом, чтобы не скрипела. А теперь она поёт.

И правда: звук шёл от калитки, которая, хотя её никто не трогал, медленно раскачивалась, как будто кто-то невидимый открывал и закрывал её. Алиса, накинув плащ, вышла на крыльцо. Остальные последовали за ней.

У калитки, на тропе, стоял Осина. Леший был необычно бледен — если можно так сказать о существе с кожей из коры. Его плечи были покрыты мхом, но мох этот пожух, а в глазах читалось беспокойство.

— Я чувствую, — произнёс он вместо приветствия, — что где-то снова открылось.

— Мы тоже, — Алиса подошла. — Что случилось?

— Семя уничтожено, но его корни оставили в земле пустоты, — Осина прижал ладонь к стволу берёзы, и та, кажется, зашептала. — Туда, в эти пустоты, начало просачиваться то, что спало.

— Что именно?

— Не знаю. Но граница истончилась в нескольких местах. У Старой гати — особенно. Там снова туман. И из него выходят... тени.

— Тени? — Мирон напрягся. — Опять?

— Не такие, как раньше. Эти — не злые. Они ищут помощи. Но они опасны для людей: их присутствие вызывает морок, и человек может заблудиться даже на собственной тропе.

— Кто-то уже пострадал? — спросила Алиса.

— Да. Из соседней деревни, из Озерков, пропал старик. Вышел на рассвете за грибами и не вернулся. Его ищут, но не найдут: он не в лесу, а между.

— Между чем?

— Между мирами. В том самом тумане, где бродят тени. Если его не вывести до заката, он останется там навсегда.

Отряд переглянулся. Буся, уже полностью проснувшаяся, подскочила к Алисе:

— Мы должны идти! Прямо сейчас!

— Сначала соберёмся, — Алиса положила руку ей на голову. — И возьмём всё необходимое.

— Я провожу вас, — сказал Осина. — Но дальше гати не пойду. Мне туда нельзя.

— Почему? — удивилась Буся.

— Потому что я сам — часть леса. А туман у гати — не лес. Он — изнанка. Там моя сила оборачивается слабостью.

— Мы поймём, — кивнула Заряна. — Идём.

До Старой гати добирались быстро: лес, как всегда, стелился под ноги. Но Алиса чувствовала, что сегодня он делает это неохотно, будто сам боится того места. Воздух наливался сыростью, и к тому времени, как впереди показалась полоса тумана, отряд уже шёл, увязая в мокрой траве.

Туман у гати был не таким, как в прежние разы. Он не клубился, не полз — он стоял стеной, и в этой стене, как в мутном стекле, угадывались силуэты. Они двигались, но медленно, как водоросли. И от них шёл не холод, а печаль, глубокая, как омут.

— Вот они, — прошептал Осина, останавливаясь. — Тени. Видите?

— Вижу, — Алиса шагнула вперёд. — И слышу. Одна из них зовёт.

— Кого?

— Меня, — она обернулась. — Я должна идти одна.

— Нет, — Мирон встал рядом. — Мы пойдём вместе.

— Мирон, — Алиса посмотрела ему в глаза, — если я не вернусь, ты должен вывести остальных. Но я вернусь. Я чувствую: это не ловушка. Это просьба.

— От кого?

— От той, что жила в этом доме до Веданы. От Милавы. — Алиса сжала перстень, и тот вспыхнул. — Она хочет, чтобы её отпустили.

— Милава? — Заряна, до этого молчавшая, побледнела. — Та самая, что не прошла испытание и бросилась в Чёрный ручей?

— Да. Её душа застряла между мирами, потому что она сама себя не простила. И теперь, когда семя ушло, у неё появился шанс. Она зовёт меня, потому что я — девятая. Та, что должна замкнуть круг.

— Это может быть ловушкой, — предупредил Осина.

— Знаю. Но если не пойти, старик из Озерков останется в тумане навсегда. А вместе с ним — и Милава. — Алиса повернулась к туману и сделала шаг. — Я иду.

И она вошла в туман. Мирон, Буся и остальные замерли у края, готовые в любой момент броситься следом. Но Алиса уже знала: этот путь ей нужно пройти одной.

Внутри тумана было тихо, как под водой. Звуки исчезли, и только собственное дыхание отдавалось в ушах. Алиса шла, не разбирая дороги, но ноги сами несли её вперёд. Перстень горел всё ярче, и в его свете она увидела: впереди, на невидимой тропе, стоит женщина. Молодая, в простом платье, с мокрыми от тумана волосами. Глаза её были закрыты, но по щекам текли слёзы.

— Ты пришла, — произнесла Милава, не открывая глаз. — Я знала, что придёшь.

— Как мне помочь тебе? — спросила Алиса.

— Прости, — ответила Милава. — Просто прости. И отпусти.

— За что?

— За то, что я не справилась. За то, что испугалась. За то, что оставила дом. — Она впервые подняла веки, и Алиса увидела в её глазах не пустоту, а боль. — Я была слабее, чем казалась. И я не смогла уйти. Но теперь, когда семя мертво, я могу. Только помоги.

— Что нужно сделать?

— Возьми меня за руку. И скажи то, что говорила печи. Про выбор.

Алиса вспомнила: когда-то, в подземной зале, она отвечала духу печи на вопросы. И главный из них был о том, что важнее — она или Дом. Она тогда выбрала Дом.

— Я выбираю жизнь, — произнесла она, беря Милаву за руку. Рука была холодной, как туман. — Твою жизнь. Твою память. Я не осуждаю тебя.

— А если я снова ошибусь?

— Все ошибаются. Но ошибаться — не значит предавать. Ты не предала. Ты просто не справилась. А теперь — отпусти.

Милава задрожала, и туман вокруг начал рассеиваться. Из него, как из воды, вынырнула фигура старика — того самого, из Озерков. Он стоял, озираясь, и в глазах его был страх.

— Иди, — сказала Алиса, указывая на просвет. — Тебя ждут.

Старик, не веря, шагнул и исчез из виду. А Милава, сжимая руку Алисы, вдруг улыбнулась.

— Спасибо, девятая, — прошептала она. — Теперь я знаю: дом в надёжных руках.

И она растаяла, оставив после себя лишь слабый запах речной воды.

Алиса вышла из тумана. У гати её ждали. Буся, увидев её, бросилась навстречу, обняла за ногу и разрыдалась. Мирон, подойдя, молча ткнулся носом в её ладонь. Заряна и Осина стояли чуть поодаль, и в их глазах читалось облегчение.

— Всё? — спросил Мирон.

— Всё, — ответила Алиса. — Милава ушла. И старик спасён.

— Я видел, как он выбежал из тумана, — Осина кивнул в сторону тропы. — Сейчас уже, поди, домой бежит.

— А туман? — спросила Буся, всё ещё всхлипывая.

— Рассеивается, — Алиса оглянулась. Действительно, белая пелена медленно таяла, обнажая мокрую траву и чёрные стволы. — Граница снова цела.

— Значит, можно домой? — Буся вытерла нос.

— Можно, — Алиса погладила её. — И, кажется, у нас есть время на отдых.

Но, как всегда, долго отдыхать не пришлось. Когда они вернулись на Тридесятую улицу, у калитки сидела маленькая девочка с корзинкой грибов и испуганно озиравлась. Увидев Алису, она вскочила и бросилась к ней.

— Тётя ведьма! — закричала она. — Там, в нашем сарае, кто-то стучит! Мама говорит, это домовый, а я знаю, что это не домовый! У него глаза жёлтые!

Алиса переглянулась с Мироном.

— Похоже, покой нам только снится, — пробормотал кот.

— Зато скучно не будет, — Буся уже приободрилась и запрыгала на месте. — Пойдём посмотреть на жёлтые глаза!

И отряд снова двинулся в путь.

Конец пятой главы.

В следующей главе: Алиса и компания отправляются в деревню, где в сарае поселилось нечто с жёлтыми глазами. Окажется, что это существо — из тумана, и оно пришло не со злом, а с просьбой, которую может выполнить только настоящая ведьма.

Глава 6. В которой глаза в сарае оказываются не просто глазами, а туман расстаётся со своим пленником

Девочку звали Соня. Ей было семь, она была конопатой, тоненькой, как тростинка, и в её голубых глазах попеременно мелькали то восторг, то ужас. Всю дорогу до деревни Озерки — той самой, откуда был спасённый старик, — она то забегала вперёд, то возвращалась, то дёргала Бусю за ухо, то начинала рассказывать про «жёлтые глаза», и рассказ её обрастал такими подробностями, что даже Мирон, уставший от бессонной ночи, начал прислушиваться.

— Они смотрели на меня из-под лавки, — говорила Соня, размахивая корзинкой. — Я сначала думала, это кот. Но у котов глаза не такие. У этих глаз было... свечение. И они не мигали. Просто смотрели и тихонько дышали.

— Дышали? — переспросил Перышко, шагавший рядом с Алисой.

— Ну да. Как будто там, под лавкой, лежал кто-то большой. И он хотел выйти, но не мог. А мама сказала: «Не выдумывай, это ёж». Но ёж не дышит так громко!

— Как — так? — Буся, семенившая рядом, подняла уши.

— Вот так: у-у-у... — Соня надула щёки и попыталась изобразить. Получилось похоже на завывание ветра в трубе.

— Это не ёж, — авторитетно заявила Буся. — Я ежей знаю. Они пыхтят, но не воют. А у-у-у — это либо ветер, либо кто-то очень печальный.

— Значит, он печальный? — Соня остановилась, уставившись на Бусю.

— Наверное. Если бы он был злой, он бы рычал. А если плачет, значит, ему нужна помощь.

— Или он притворяется, — вставил Мирон. — Некоторые твари так охотятся: прикидываются несчастными, а потом — хват.

— Мирон, не пугай ребёнка, — одёрнула его Алиса.

— Я не пугаю. Я информирую.

Деревня Озерки встретила их запахом дыма, влажной коры и чего-то сладковатого, как будто где-то варили вишнёвое варенье. Дома здесь стояли кучно, почти вплотную друг к другу, и между ними петляли узкие тропинки, по которым едва могли разминуться двое. На окнах висели занавески, но во многих они чуть подрагивали: местные явно наблюдали за пришельцами, не выходя наружу.

Дом Сони оказался в конце улицы. За ним, в глубине двора, темнел старый бревенчатый сарай с просевшей крышей и покосившейся дверью. От сарая, как показалось Алисе, тянуло холодом, хотя солнце уже поднялось над крышами и припекало всюду.

— Вот, — Соня показала на сарай. — Он там. Под лавкой.

— Ты уверена, что он ещё там? — спросила Заряна.

— Я утром заглядывала. Глаза были на месте. А потом мама меня прогнала.

— Разумная женщина, — пробормотал Мирон.

Из дома, заслышав голоса, вышла мама Сони — высокая, худая женщина с тёмными волосами, собранными в небрежный пучок. Звали её Нина Павловна. Она была одета в старый фартук поверх тёмного платья и держала в руках полотенце, которое нервно теребила.

— Вы ведьма? — спросила она, оглядывая отряд. — Соня сказала, что пошла за вами. Простите, если зря побеспокоила.

— Не зря, — Алиса улыбнулась. — Расскажите, что у вас случилось.

Нина Павловна, помявшись, начала рассказывать. Существо появилось в сарае три дня назад. Сначала она решила, что это бродячая собака, — слышался шорох, из-под двери иногда высовывалась лапа, но разглядеть никого не удавалось. Потом, ночью, она увидела сквозь щель те самые жёлтые глаза. Они смотрели на дом, и в них, как ей показалось, не было злобы. Была тоска.

— А сегодня утром Соня сказала, что глаза были уже не под лавкой, а у самой двери, — Нина Павловна понизила голос. — И что они как будто... похудели. Меньше стали.

— Оно угасает, — тихо произнесла Заряна. — Если это существо из тумана, то, когда туман рассеялся, оно потеряло связь с ним. Ему нечем дышать.

— Значит, ему и правда плохо? — Буся прижалась к ногам Мирона. — Мы должны помочь.

— Сначала посмотрим, — Алиса направилась к сараю.

Дверь держалась на одной петле и открылась с тихим, жалобным скрипом. Внутри было сумрачно и пахло сеном, старой древесиной и чем-то ещё — едва уловимым, как запах мокрой шерсти. У стены, на земле, лежала груда мешков, а под лавкой, о которой говорила Соня, сгустилась тень. В этой тени, не мигая, горели два жёлтых глаза.

Алиса присела, стараясь не делать резких движений. Существо зашуршало, но не отпрянуло. Наоборот — подало голос: низкий, вибрирующий, похожий на гудение далёкого колокола.

— Оно говорит, что не может встать, — вдруг произнесла Буся, подходя ближе. — У него нет лап. Ну, почти. Оно как... как дым.

— Это туманный зверь, — кивнула Заряна. — Он принимает форму, только если есть туман. А без тумана он — как выдох без вдоха.

— Как же ему помочь? — спросила Алиса.

— Нужно дать ему туман. Но не простой, а тот, что сгущается на границе. — Заряна подумала. — Можно собрать его, если знать, где. Или... — она посмотрела на Бусю, — можно спеть. Если песня будет достаточно сильной, она создаст туман.

Буся, не дожидаясь просьб, села и запела. Это была странная песня — не колыбельная и не заклинание, а что-то среднее, с длинными, тягучими звуками, которые, казалось, впитывались в стены сарая и превращались во влагу. Воздух начал густеть. Сено под ногами потемнело от сырости. И вот уже из щелей между досками потянулись первые клочья тумана — светлые, как пар над рекой.

Существо под лавкой зашевелилось. Из тени показалось тело — длинное, гибкое, действительно похожее на сгусток тумана, в котором проступали очертания зверя: вытянутая морда, настороженные уши, широкая грудь. Оно поднялось, шагнуло вперёд и, оказавшись в полосе тумана, стало плотнее, яснее.

— Получается, — прошептала Соня, прижимаясь к матери.

— Получается, — кивнула Алиса, не отрывая глаз от зверя.

Тот, почувствовав силу, сделал ещё шаг, к самой двери, и остановился, глядя на Алису. В его глазах, ещё недавно тусклых, теперь разгорался живой, тёплый свет.

— Он благодарит, — перевела Буся. — И говорит, что должен вернуться. К гати. Пока туман не ушёл совсем.

— Пусть идёт, — Алиса отступила, освобождая проход. — Мы проводим.

Зверь, медленно, как во сне, двинулся к выходу. За его спиной, как шлейф, тянулся туман. Он вышел во двор, прошёл мимо дома, мимо забора и направился к лесу, к той самой тропе, что вела к Старой гати. Отряд следовал за ним, не отставая.

У кромки леса зверь остановился. Обернулся. И, посмотрев на Бусю, издал тот самый низкий, вибрирующий звук.

— Он говорит «спасибо», — тихо сказала Буся. — И ещё — что когда-нибудь вернётся. Когда туман снова станет густым.

— Мы будем ждать, — улыбнулась Алиса.

Зверь вошёл в лес и растворился в тумане, который, словно по волшебству, сгустился у него на пути. Ещё минута — и его не стало. Только запах мокрой шерсти висел в воздухе, да Соня, сама того не замечая, держала мать за руку.

— Это было... — начала девочка и замолчала, подбирая слово.

— Чудо, — подсказала Буся.

— Да, — Соня кивнула. — Только немного грустное.

— Чудеса часто такие, — отозвалась Заряна. — Они приходят, когда нужно уйти.

Нина Павловна, всё ещё бледная, начала благодарить. Алиса, как всегда, отказалась от платы, но взяла у неё из рук банку вишнёвого варенья — просто чтобы не обидеть.

— Идёмте, — сказала она отряду. — Пора домой.

Дорога назад была лёгкой. Туман, ещё утром висевший клочьями, окончательно рассеялся, и лес снова стал самим собой — светлым, шумным, полным птичьих перекличек. Буся, ехавшая на Мироне, тихо напевала. Перышко шёл рядом и иногда, расправляя крыло, отгонял от неё комаров. Заряна молчала, но в её молчании не было тревоги. Андрон, как позже выяснилось, уже ждал их с горячим ужином.

— Ну что, всех спасли? — спросил он, выходя на крыльцо.

— Всех, — ответила Алиса. — И зверя, и девочку, и маму, и даже старика.

— А себя? — Андрон прищурился.

— Себя — в процессе, — Алиса улыбнулась. — Но, кажется, получается.

И она вошла в дом, где пахло щами, хлебом и вареньем, и впервые за долгое время почувствовала, что сегодня можно никуда не идти. Хотя бы до утра.

Но утром, как всегда, началось новое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.